

Юрий Константинович Ефремов принадлежит к новому типу русского интеллигента: он пытался не только существовать при «диктатуре пролетариата», но и как-то двигать общее дело, в частности — сохранить заповедными территории вокруг Красной Поляны. Для этого ему, так же как и М.М. Пришвину, придется надеть маску юродивого, отказаться от добывания наград и званий, что собственно вполне в русле аскетических практик отечественных подвижников.

Накануне своего пятидесятилетия Юрий Константинович Ефремов написал стихотворение:

*В две тысячи тринадцатом году
Я жду, перегорев дотла, до пепла,
Чтоб мысль людская не навек ослепла
И вспомнит обо мне в любом бреду.
Забыв, кто был растрат моих виною,
Прозрев — иль спохватившись — кто-нибудь
Поднимет пласт и вдруг поймет, что мною
Не из одних ошибок пройден путь;
Тогда сойдутся дети и друзья,
Порывшиеся в папках и отчетах,
И будет все отщелкано на счетах,
Чем был в основе жив и движим я.
И наконец не будут обсуждать,
Был я остепенен или степе'нен,
И «продвижений» перестанут ждать,
И вспомнят то лишь, чем по сути ценен.
Я вижу дни и годы торжества
И жду их, терпелив и независтлив,
Узлами туго стянуты слова,
Кристалльны ритмы, вырублены мысли,
Стихи встанут как горная гряда,
Игра их граней навсегда волшебна,
А вдоль подножий грудятся года*

*Трудов и прозы, словно шлейфы щельня.
Пусть верх возьмет исчерпанность резервов
И жить не хватает сердца или нервов,
Но так и знайте: я еще приду
В две тысячи тринадцатом году.*

Стихи эти оказались во многом пророческими. Старшему поколению граждан сегодняшней России Ефремов знаком прежде всего своей замечательной книгой «Тропами горного Черноморья». Книга, изданная тиражом 65 тысяч экземпляров в 1963 году, мгновенно разошлась и стала культовой среди горных туристов всего Советского Союза.

Юрий Константинович — почетный член РГО; с 1955 по 1965 год он был ученым секретарем Московского филиала Всесоюзного географического общества, когда им руководил известный полярный исследователь Иван Дмитриевич Папанин. Он оказал существенную поддержку ученым при разработке и принятии в 1960 году закона «Об охране природы в РСФСР». Это было необычно в те годы безудержного роста промышленности, это встречало сопротивление таких фигур, как генсек Н.С. Хрущев, который утверждал, что защита природы противоречит марксизму и задачам «расширенного воспроизводства».

По воспоминаниям Юрия Константиновича, их «только что с лестницы не спускали». Однако в результате объединенных усилий Всесоюзного географического общества, Общества исследователей СССР и Всесоюзного общества защитников природы закон был принят. Благодаря ему сохранились, в частности, такие уголки, как Кавказский государственный природный биосферный заповедник.

Впервые в Красную Поляну Юрий Константинович приехал в конце лета 1932 года, с наивной мыслью посетить озеро Кардывач. Этим летом их,

студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии, направили работать комбайнерами в кубанские станицы. Был разгар коллективизации, казачьи станицы были окружены воинскими частями, которые никого не впускали и не выпускали, обрекая на голодную смерть большинство жителей. Советская власть не рассчитывала найти сторонников коллективизации среди казачьего населения, поэтому особенно не церемонилась. Молодой Ефремов вдоволь насмотрелся на обтянутых кожей, похожих на тени людей, стремившихся прорваться сквозь кордоны оцепления.

В страшном душевном смятении после увиденного он приезжает в Поляну, в кармане смятая туристическая карта Черноморского побережья с его зеленым бархатом гор и с голубыми овалами озер, куда хочется убежать, скрыться от всех, где можно забыть этот кошмар. Он, конечно, ничего не расскажет об этих своих переживаниях. Первая глава книги «Над Красной Поляной» полна молодого задора, радостных впечатлений от открывшихся красот и нового советского энтузиазма покорителей природы, которым «нет преград ни в море, ни на суше». Таков удел многих русских и советских писателей, оставивших нам произведения, полные оптимизма и радостного ожидания грядущих времен. Кровь, гнев, слезы и слезы они оставили глубоко в себе, не прокричав, не выплавав, не поделившись...

Итак, в конце сентября 1932 года девятнадцатилетний студент сельхозакадемии Георгий Ефремов приезжает с Сочинского вокзала рейсовым автобусом в Красную Поляну, полный желания немедленно отправиться на озеро Кардывач. В поисках проводника и попутчиков он приходит на турбазу «Горный воздух», где узнает, что идти уже поздно – там выпал снег, что надо иметь специальное снаряжение, хотя бы горные ботинки, рюкзак и палатку. И вообще, то, что по карте (40 км) кажется однодневным переходом, на самом деле займет 5-6 дней (туда и обратно).

В конце концов, Юрий остается на турбазе, благо открепительные талоны из специальной книжки туриста СССР на продовольственные карточки у него были с собой. Напомню, что это были годы первой пятилетки, карточная система.

После нескольких однодневных походов в

окрестностях Красной Поляны тогдашний руководитель турбазы Владимир Александрович Энгель предложил ему остаться до конца сезона экскурсоводом. Юрий с радостью согласился и проработал еще сезон 1934 года экскурсоводом и методистом.

Позже, в 1937 году, уже переведясь из Тимирязевской сельхозакадемии на географический факультет МГУ, Юрий Ефремов совершит несколько важных экспедиций для составления геолого-морфологической карты горных хребтов, проходящих по территории Кавказского заповедника. Результатом одной из экспедиций по заданию ГИПРОКура (Государственный институт по проектированию курортов) станет создание неповторимого туристического автомобильного маршрута «Гагры – озеро Рица».

После окончания первого сезона работы на турбазе, зарядившись массой вопросов от туристов, Юрий в Москве засел за книги в читалке Ленинской библиотеки. Он тщательно штудирует издания по истории Кавказской войны, в частности книгу барона Федора Федоровича Горнау «Воспоминания кавказского офицера». Федор Горнау – герой Русской императорской армии, переодевшись горцем, совершил в 1832 и 1835 годах разведывательные экспедиции вглубь черкесских территорий. Результатом экспедиций стало осознание необходимости сооружения плотной цепи береговых укреплений от Анапы до Сухума, блокировавших торговлю с Турцией и сыгравших решающую роль в завершении казавшейся бесконечной Кавказской войны.

Благодаря написанной Ефремовым книге «Тропами горного Черноморья» мы можем сегодня познакомиться с собранной по крупицам, недолгой, но полной драматических перемен историей поселка Красная Поляна. Возникшие и доходившие до судов споры по отдельным эпизодам Кавказской войны задержали выход книги вплоть до 1963 года, что позволило включить в нее главу о поселке в послевоенное время. Это были критические годы для Красной Поляны, когда стремительно увеличивался объем лесозаготовок, работал сланцевый рудник, а окрестные горные склоны всюду использовались для выпаса скота, пригоняемого с побережья.

Книга Ю.К. Ефремова, несмотря на возвышенный стиль и поэтические образы, является добросовестно составленным путеводителем по окрестным

туристическим маршрутам, начиная с ближайших хребтов Ачишхо, Псеашхо, Аибги и заканчивая относительно далекими озерами Кардывач и Рица. Как музыка звучат названия Кутехеку, Аватхара, Агепста, Юпшара, а тексты составлены настолько подробно, что хочется немедленно отправиться по ним, как по карте, в путь. Я бы назвал их «поэтическими кроками». Кроками на языке туристов называют несложные рисунки, отражающие развилки и проблемные участки на маршруте и помогающие не сбиться с пути.

Не буду больше описывать прелести горного туризма в окрестностях Красной Поляны, поскольку лучше Ю.К. Ефремова в упомянутой книге это сделать трудно, да и не моя это тема. Изучая материалы о нем на сайте — yuri.efremov.ru, который ведет его внучка, Ольга Тимошенко, я наткнулся на такие пророческие строки:

*В две тысячи тринадцатом году
Я жду, перегорев дотла, до пепла,
Чтоб мысль людская не навек ослепла
И вспомнит обо мне в любом бреду.*

Не часто мне приходилось испытывать такое ясное видение Божьего промысла, как в этот момент. Как будто неведомая сила приоткрыла мне Его волю, которую я должен исполнить.

Оказавшись на вершине горы Монашки у пирамидки камней над могилой Ю.К. Ефремова, я понял, что это должен быть Знак. Знак, который вберет в себя множество различных смыслов, тревог, переживаний, недосказанностей, намеков, ожиданий и волнений. Это мой внутренний круг, который необходимо замкнуть, достигнув, тем самым ощущения завершенности всех событий, которые связывали меня с Красной Поляной последние двадцать лет. Этот Знак должен иметь свои корни в далеком прошлом и уходить в неопределенное будущее, позволяя ощущать себя звеном в непрерывной цепи поколений. Ты как будто цепляешься за кого-то в прошлом, желая обрести опору, и сам протягиваешь руку в неясное будущее — вдруг кому-то понадобится...

Предложение по установке памятного знака Юрию Константиновичу Ефремову поддержали в Краснодарском краевом отделении Русского географического общества, переживавшем явный пе-

риод расцвета, чему немало способствовала активность его молодого руководителя Ивана Чайки. Все остальное было делом техники, поскольку никто в помощи не отказывал, включая все уровни администрации Сочи и руководство Сочинским национальным парком, на территории которого расположен Ефремовский кругозор.

В соответствии с пожеланиями потомков Юрия Константиновича и его здравствующей вдовой Натальи Алексеевны Лебедевой (31 декабря 2017 года ей исполнилось 102 года. — А.Г.) решено было не тревожить прах ученого, покоящийся в капсуле под каменным туром в соответствии с его завещанием. На этой же полянке нашли удобное место для памятного знака в честь 100-летнего юбилея.

Оказалось, что в Поляне Ефремова помнят и знают очень многие — и старожилы этих мест, и осевшие здесь недавно экстремалы всех мастей, от парапланеристов до альпинистов. Это оказалось как нельзя кстати, когда пришлось искать добровольцев, чтобы на руках поднять гранитную глыбу весом более полутонны на вершину хребтика, ограничивающего с запада горную речку Монашку. Для подъема сколотили специальные деревянные салазки с мощными стропами по периметру, за которые могли одновременно взяться 16 человек. Сам подъем рывками на «раз-два» продолжался около полутора часов и прошел в необыкновенной атмосфере сопричастности к чему-то важному и значительному. По крайней мере, после водружения гранитного массива на заранее подготовленный постамент, когда открылся текст и назначение сооружения, от оплаты дружно отказались даже несколько привлеченных гастарбайтеров...

Открытие памятного знака в честь 100-летия со дня рождения Ю.К. Ефремова состоялось 10 мая 2013 года. Сегодня, когда постепенно отдаляются все эмоции и хлопоты, связанные с установкой памятного знака, меня не покидает ощущение прикосновения к чему-то важному и значительному. Вначале это просто был интерес к книге о Красной Поляне. Затем, в процессе формирования текста для памятного знака, прочитал все стихи Ю.К. Ефремова, размещенные на сайте, автобиографию и воспоминания товарищей. Теперь, когда доводится участвовать в каких-либо мероприятиях нашего отделения РГО, во мне рефреном звучат его стихи:

*Он должен быть у каждого, свой дом,
Простор родных угодий и урочищ.
Познай его любовью и трудом —
Ты мир как сад украсишь и упрочишь.
Пройду все тропы, в связи все вяжусь,
Томленьем ведать дали одержимый,
И, вздрогнув, сам однажды окажусь
Душой и памятью земли любимой.*

Удивительное дело, чем больше я узнавал о богатстве творческого наследия Ю.К. Ефремова, тем загадочнее становились проявления его личной скромности, упорное избегание всякого рода должностей и званий, а также деятельное участие в защите своих друзей и единомышленников, например, гонимого советским историческим сообществом Л. Н. Гумилева.

Как легко ожесточиться на судьбу за то, что тебе выпал трудный жребий «непролетарского происхождения» в те окаянные годы, как просто возненавидеть политический строй, применявший репрессивные методы, как логично оказаться среди диссидентов и «борцов с режимом». Но что путного можно сделать из ненависти? Ефремов выбрал любовь. Любовь к родной земле, к ее просторам, к науке о ней и памяти о ней. О, как много можно сделать из любви — сотни научных статей и монографий, Музей землеведения при МГУ, военно-географический «Путеводитель для маршалов» во время войны, природоохранное законодательство в СССР, креативная топонимика улиц Москвы, учебники по физической географии, фотоальбомы типических ландшафтов, поэтические сборники и, наконец, популярные книжки о своих путешествиях в разные точки Земли.

Когда я размышляю о судьбе Ю.К. Ефремова, то не могу избавиться от аналогии с тектоническими процессами в земной коре, когда в результате гигантского давления и огромных температур из банального кремния образуются кимберлитовые трубки с алмазами. Он мог озлобиться, мог жаловаться на судьбу, мог проклинать власть и бороться с коммунистами, а он взял — да и рассыпался драгоценными камнями своих творений и свершений. Возможно, он обладал даром метафизического видения глубинных общественных процессов, на

которые мы не можем влиять, с объективным характером которых нам трудно согласиться, с которыми можно только слиться.

Солнечное мартовское утро. Я в гостях у Натальи Алексеевны Лебедевой, вдовы Юрия Константиновича Ефремова, в просторной квартире на углу Ленинского проспекта и улицы Д. Ульянова. Шестьдесят лет назад это была окраина Москвы, где компактно, на кооперативных началах, строили дома для работников институтов Академии наук СССР. С той поры Наталья Алексеевна и проживает здесь, в последние годы — вдвоем с внучкой, Ольгой Евгеньевной Тимошенко.

В самом начале разговора Наталья Алексеевна изучающе взглянула на меня и сказала, что ей сто один год. Поскольку она сказала «сто один год», а не «уже сто один год», я понял — планка поднята высоко, нечего слюни распускать и размениваться по мелочам. Первым делом спросила, как дела в Кавказском заповеднике. Сильный ли урон нанесло олимпийское строительство? Используются ли построенные сооружения сегодня?

Услышав, что саму историческую территорию Красной Поляны олимпийские стройки не затронули, что народу полно и летом, и зимой, что все радуются изящным сооружениям, более или менее деликатно вписанным в божественную красоту окружающих гор, Наталья Алексеевна успокоилась. Вспомнила, как 60 лет назад, в конце 1950-х, надев нарядное платье, сидела в длинной очереди в приемной председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова в здании напротив Манежа с письмами-ходатайствами о сохранении Кавказского заповедника.

Дело было в том, что многие ведомства, особенно лесное, уже приступили к активному расширению своей хозяйственной деятельности в окрестностях Поляны и активно стали добиваться сокращения заповедных территорий. В вопросе спасения заповедника добрыми советами помогал тогда знаменитый геолог академик В. А. Обручев, уже очень пожилой, но активный и равнодушный человек.

— А почему лично вы, Наталья Алексеевна, пошли на прием?

– Письма были отпечатаны на бланке Геологического института Академии наук, где я работала. Решили, что так будет солиднее. Ворошилов эти места на Кавказе знал, охотился там не раз. Поддержал и помог.

– А Юрий Константинович, каким он был? Расскажите.

– Он был свободным... Никогда ничего не писал, никуда не записывался, не защищался. Печатался много, за это хорошо платили, и во многие путешествия ездил за свой счет.

– А вы?

– Я защитила все, что можно. (Наталья Алексеевна – кандидат географических и доктор геолого-минералогических наук. – А.Г.) Работала на всех работах. Надо было выплачивать за эту квартиру, потом купить квартиру дочери...

– Юрий Константинович и в партию не вступал?

– Предлагали, конечно, но он все отшучивался – принес в партбюро книжку своих стихов, сказал, что мало ли чего напишет по вдохновению, а им потом отвечать... Отстали.

– Потому и был директором Музея земледелия МГУ вечно с приставкой и. о., – это вмешивается в наш разговор Ольга, которая сидит рядом, ищет в альбомах по моей просьбе фотографии встречи Ю. К. Ефремова с М.М. Пришвиным.

– Вот, нашла. По-моему, это та самая встреча в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) в 1953 году на торжественном собрании в честь 80-летнего юбилея Михаила Михайловича!

Ольга пододвигает к нам развернутый старый фотоальбом с наклеенными фотографиями, под которыми аккуратно подписаны даты, фамилии и поводы встреч (мечта каждого краеведа). Об этой встрече Юрий Константинович напишет в своей книге:

«Еще через несколько лет я присутствовал на творческом вечере Михаила Михайловича Пришвина. Взял, да и рассказал ему при всех собравшихся, как мы шли на Ассару, как слушали барса и читали “Женьшень” при свете костра, как нанесли на карту пик и озеро имени Пришвина и как счастливы преподнести их ему в качестве подарка, хотя и спустя несколько лет после того, как название уже привилось в заповеднике. Тут же мы вручили писателю фотографию пика.

Пришвин, взволнованный неожиданным сюрпризом, встал и сказал:

– Впервые в жизни попадаю в такое пиковое положение. Таким подарком я настолько обрадован, что и сказать не могу. Все боялся, что моим именем переулочек или тупик назовут. А это ведь пик! Это же лучше, чем памятник! Если бы о подобном подарке можно было рассказать и Петrarке!

Теперь надо раздражить туристов – пусть поднимутся на пик Пришвина и укрепят на нем мемориальный камень с указанием названия и высоты пика!»

Судя по фотографиям, выступление Ю.К. Ефремова было гвоздем вечера, и выступал он с высокой трибуны торжественного собрания. Вспоминаю в фото, где они с Михаилом Михайловичем о чем-то оживленно беседуют. Улыбающиеся, добродушные, словно один передает, а другой принимает невидимую эстафету. В биографических справочниках Пришвина называют «певцом русской природы», а на гранитном мемориале Ефремову написано «певец Красной Поляны». Все верно, они оба могли читать послание Творца ко всем нам, написанное на языке природы. Позже Ефремов добьется присвоения имени Пришвина мысу на одном из островов Курильской гряды, а другие ученые назовут астероид в его честь. Они словно оставят для нас вешки в быстро утекающем времени, помечая все достойное вечности, но могущее пропасть в текущей политической суете.

Вот групповая фотография того вечера. Валерия Дмитриевна сидит рядом с Михаилом Михайловичем, она напряжена, не улыбается. Это она организовала тот вечер в ЦДЛ, поскольку официальная власть впервые не стала в этот раз отмечать юбилейную дату в Колонном зале Дома Союзов. Пришвин уже тяжело болен, ему так и не удалось опубликовать одно из последних своих произведений «Осударева дорога», плод глубоких раздумий и художественного переосмысления тридцатилетнего пути, пройденного Россией после революции. Однако Пришвин улыбается, он словно знает, что его время еще придет. В далеком 1939-м он записал в своем дневнике: «Мои соседи по месту – это одни существа, а мои соседи во времени – другие.

Время – это как свобода, место – как необходимость. Прошлое по месту – могила, во времени

– музей... Мое будущее во времени – там, далеко».

– А что незаконченная повесть Юрия Константиновича о работе комбайнером в кубанской станции во времена коллективизации, – спрашиваю я, – нет ли планов опубликовать ее?

– Нет. Он посчитал ее неудачной.

– Что больше всего запомнилось о тех довоенных годах?

– Как отца забрали в 37-м. Он был ветеринаром. Мы жили тогда в Истре. Знакомый милиционер, который арестовывал, шепнул, что у них задание – 18 арестов на эту ночь, уже не знают, кого брать.

– Отец погиб в лагерях?

– Нет, вернулся перед войной, но весь разрушенный телесно и раздавленный...

Еще лето 1937 года стало для меня памятным, потому что мы с Юрием Ефремовым как студенты геофака МГУ оказались вместе в экспедиции по геоморфологической съемке территории Кавказского заповедника. Базой экспедиции служил поселок Красная Поляна, оттуда мы выходили на маршруты. На некоторое время к Юрию приезжала мама Анастасия Васильевна; она, будучи почвоведом по профессии и заядлой путешественницей, однажды сопровождала нас в походе к озеру Рица. Там, на склоне горы Агепсты, мы наткнулись на полуразрушенную монашескую келью (а может быть, это была охотничья хижина?), в которой переночевали. Правда, не обошлось без приключений: ночью прогнивший пол домика провалился, но к счастью обошлось без травм.

Несколько позже, отправившись в одиночный маршрут на гору Ачишхо, я случайно наткнулась в лесу на обработанный огород, возможно, кого-то из оставшихся отшельников. Никаких строений заметить не успела и постаралась побыстрее уйти от этого места. Вообще по инструкции нам запрещалось ходить по горам в одиночку.

Вслед за этим рассказом Натальи Алексеевны Ольга вынула из старого альбома фотографию, на которой предстал перед моими глазами бревенчатый сруб с провалившейся крышей, а на пороге этого дома – трое героев рассказа Натальи Алексеевны.

Рассматриваю фотоальбом, посвященный работе Юрия Константиновича в созданном им Музее земледелия МГУ. В первые годы своего су-

ществования музей, как и новое высотное здание МГУ на Ленинских горах, был предметом гордости советского руководства. Этот музей, паривший над Москвой на высоте полутора сотен метров, посетили все руководители страны и именитые гости СССР. На фотографиях в старом альбоме вижу, как Юрий Константинович знакомит с экспозицией музея министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, короля Непала Махендру, знаменитого пианиста Вана Клиберна и многих, многих других.

– Расскажите про Льва Николаевича Гумилева, – перевожу я разговор, – он часто у вас бывал?

– Да, мы дружили... Когда Гумилевы (Лев Николаевич и его супруга Наталья Викторовна) летнюю половину года жили в Москве, они часто приходили к нам, и каждый раз это был праздник. Юрий Константинович очень переживал из-за трудностей Льва Николаевича с защитой второй докторской диссертации, писал письма в поддержку, добивался признания.

– Здесь Лев Николаевич познакомился с Шафаревичем, – вступает в разговор Ольга.

– Как?! С самим Игорем Ростиславовичем Шафаревичем, с всемирно известным математиком, историком и мыслителем? – задохнулся я от такой удачи. – Расскажите, как это было?

– Шафаревич сам нам позвонил, – сказала Наталья Алексеевна, – он уже тогда, в семидесятых, был легендой в академической среде. В то время мы занимались написанием коллективных писем во все инстанции, чтобы не допустить переброску стока северных рек на юг, в республики Средней Азии. Игорь Ростиславович, как оказалось, также делал математические расчеты, доказывающие пагубность и невозможность этого проекта. Он сам нам позвонил и пригласил к себе, а потом стал приходиться к нам.

– С Львом Николаевичем вы его познакомили?

– Да, мы пригласили их одновременно на один из праздников с застольем в этой квартире. Инициатором знакомства был мой отец, Евгений Тимошенко. После этой встречи Игорь Ростиславович побывал у Льва Николаевича и они обсудили, если не ошибаюсь, физические аспекты явления пассионарности. Шафаревич указывал на необходимость более точной научной аргументации.

Ольга помолчала, а затем с грустью сказала:

– Две недели назад (в феврале 2017 г. – А.Г.) мы были на похоронах Игоря Ростиславовича. Прощание было в президиуме Академии наук, а перед этим – отпевание в Сретенском монастыре. Похоронили на Троекуровском.

– Да, длинную жизнь прожил, почти 94 года.

– Дело не в этом. Я разместила об этом пост на Фейсбуке, где у меня больше сотни друзей. Только четверо за неделю отозвались, а если бы рассказала, как наша собачка ходит в туалет, то получила бы сразу двадцать «лайков» <...>

В предисловии к книге В.Д. Пришвиной «Невидимый Град», написанном Валентином Яковлевичем Курбатовым, одна фраза поразила меня, вернее, даже не фраза, а цитата из отца Сергия Булгакова: «...если смирение есть наша любовь к Богу, то дерзновение и ответственность есть наша любовь к миру и человеку... тот же Дух подает христианину силу покаяния и мощь творчества». В моем профанном сознании слово «дерзновение» никак не ассоциировалось с привычным набором атрибутов религиозной жизни: пост, молитва, укрощение гордыни, отказ от мирских удовольствий и прочее, прочее – отнюдь не жизнерадостное. Викисловарь, в который я привычно заглянул, подтвердил мое сомнение: «дерзновение – это смелое, решительное, дерзкое устремление к чему-либо».

Так смирение или дерзновение? Вопрос не праздный, поскольку сегодняшнее рекламное поле пестрит призывами и предложениями научить: личностному росту, развитию способностей, достижению успеха, не говоря уже о том, как «быть здоровым и богатым». Обилие предложений вызвано соответствующим спросом, при этом мало кто стремится стяжать смирение или научиться покаянию. Последнее в современном общественном сознании совершенно не ассоциируется с залогом счастливой жизни, не говоря уже о достижении внешних атрибутов успеха.

В результате я заподозрил, что отец Сергий Булгаков вкладывал иной смысл в это слово, что и обнаружил в православных словарях: «Дерзновение – христианская добродетель, заключающаяся, по слову святителя Иоанна Златоуста, в решимости

отваживаться на опасности и смерть ради угождения Богу».

В наше время произошло, казалось бы, невинное расширение значения слова – с устремления служить Господу на стремление к чему-либо вообще, а каков результат? Вспомним советский «Марш энтузиастов»:

Нам ли стоять на месте?

В своих дерзаниях всегда мы правы...

Оказалось, что не всегда и не всякую ересь можно «пронести через миры и века», но сгубить миллионы жизней и зайти в тупик, прежде всего в духовный, можно вполне.

Однако вернемся к тезису отца Сергия Булгакова о том, что «дерзновение и ответственность есть наша любовь к миру и человеку». Мой интерес к нему был большей частью профессиональный, поскольку в последние годы я тщательно собираю любые высказывания Отцов Церкви о внутренних императивах роста и развития хозяйственной жизни. Возможно поэтому, всю справедливость тезиса я сразу же ощутил или, точнее, внутренне с ним согласился, хотя было ясно, что для прочного обоснования моему рассудку еще потребуются сотни конкретных примеров и десятки подтверждающих цитат из высказываний других отцов Церкви. Тем не менее есть внутреннее убеждение, что это необыкновенно глубокое высказывание явилось не столько плодом рационально логических построений, сколько духовным прозрением. Духовное же прозрение, как учат Отцы Церкви, невозможно без личного подвижничества, переживание которого и открывает внутреннему взору антиномичные пары, подобные смирению и дерзновению. Именно они, как два крыла человеческого духа, поднимают к Небу, взаимно подпитывают друг друга и дают колоссальную энергию для творческой деятельности.

Отсюда понятны внутренние мотивы того, почему Сергей Николаевич Булгаков в 1918 году принял сан священства, уже будучи хорошо известным ученым и мыслителем. Словно в подтверждение тезиса об усилении трансцендентного свидетельства истины через погружение в сферу сверхлогичного (чем, несомненно, являются христианские таинства) последующая его творческая жизнь была необыкновенно плодотворна. По его собственным словам, он стал священником, чтобы служить, что-

бы как можно чаще участвовать в таинствах, и прежде всего в Божественной литургии.

Именно эту силу христианского духа почувствовал В.Я. Курбатов, написавший предисловие к книге воспоминаний В.Д. Пришвиной, названной им «горячим, нетерпеливым, исповедно доверчивым, чудесно отважным» монологом. Не могу не привести полностью письмо Валентина Яковлевича ко мне (с его, разумеется, согласия), поскольку в нем присутствует несколько «сгущенных мыслей». Однако я позволю себе сосредоточиться лишь на одной, имеющей непосредственное отношение к теме данной главы.

«Дорогой Александр Акимович! К сожалению, в последнее время я слишком далеко ушел от религиозной философии, которой отдал несколько лет в девяностые годы, осмеливаясь создать в Пскове Общество сродное Соловьевскому, пытаюсь наладить диалог церкви и мысли. Звал умных попов и мыслителей Москвы и Питера. И шесть лет держался, пока новый архиерей не попросил меня “не смущать попов умствованием — им довольно слушать своего владыку”. А уж без попов какой диалог? Пришлось закрыть “Общество”».

Я прочитал первую часть Вашей книги с волнением, а порой и со слезами, видя, как судьба опять ведет Валерию Дмитриевну ко Всенощной, чтобы встретиться с Олегом Полем. Опять заболело в сердце старинное “Мы с тобой”, которым судьба обошла меня. И опять я, как в девяностые, горел молодой мыслью и вместе с Вами смущался слепотой нынешнего дня, не замечающего, что топчется на прежних путях и не слышит высокого урока старой мысли.

Мне было близко и Ваше неуступчивое “рацио”, искавшее с верой спасительного “мы с тобой”, как близко и Ваше волнение и Ваша надежда на то, что и читатель окажется “взыскующим града” и отвернется от тотального желудка. Но Вы ушли в близкие Вам проблемы экономического обустройства с религиозным основанием, и я “остался” в первой половине книги, не пережив вторую. А между тем книга важна именно единством. Да и предисловие в данном случае совершенно лишне, потому что Вы сами предварили книгу лучшим образом.

Моя безобразная занятость в последнее время бесконечными “текстами” отравила восприятие. Я слишком много читаю, как член жюри премии “Ясная Поляна”, и это невольничество хуже галер, потому что разрушает душу. Я прошусь вон из жюри, но Толстой удерживает, и я не смею окончательно отказаться. И уже давно ничего не пишу сам, потому что опустошен “текстами” и выветрившимся словом, которое потеряло зерно и летит по ветру пустою блестящей половиной (все пишут не хуже Набокова, но это уже и не добродетель, потому что мертвая красота хуже хотя бы и бедной живой жизни).

Сердечно благодарю Вас за возвращение молодых переживаний, за возможность снова побыть с отцом Онисимом, Михал Михалычем и Валерий Дмитриевной.

Ваш В. Курбатов».

При чтении абзаца о работе «Общества сродного Соловьевскому», созданного автором письма в Пскове в девяностые годы, я вдруг вспомнил относительно недавний визит к нам в представительство РГО в Красной Поляне игумена Киприана (Ященко). Его высокопреподобие, внимательно рассматривая развешанную по стенам фотоэкспозицию из книг, большей частью упоминаемых в этом тексте, слушал мои пояснения и комментарии, но большей частью молчал. Наконец, дождавшись пока я прекращу тарыхтеть заученные многократным повторением фразы, он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— А поедемте завтра на утреннюю службу к матушке Анастасии в Троице-Георгиевский монастырь, что здесь недалеко, в Лесном. Помолимся вместе...

Помню свое смущение, поскольку о. Киприан больше ничего не сказал, попрощался и отправился к себе в номер. Что поделаешь, уже поздно, а у батюшки был хлопотный день по подготовке фестиваля духовно-нравственной культуры в городе Сочи, решил я. Конечно, хотелось бы услышать от него и про то, и про это..., но, видно, в другой раз. Но заноза осталась... и ныла.

И не она одна. Вспомнились собственные попытки организации несколько лет назад в моем

родном городе Краснодаре социологического семинара с уклоном в современные реалии нашей хозяйственной жизни. Мы разбирали тогда различные наборы социокультурных констант, характеризующих ментальные особенности отдельных стран, и анализировали кросс-культурные подходы к корпоративному менеджменту, практикуемые глобальными компаниями.

Все это делалось в попытках определить причины поднявшегося вала откровенного воровства, преступной халатности и вопиющей некомпетентности множества новых «менеджеров» с непререкаемыми корочками МБА, зачастую с блестящей эрудицией, но строящих по факту пещерный менеджмент. И только приглашенный батюшка, грустно слушавший наши дискуссии, сказал: «Зачем столько ученого тумана на такие простые вещи? Добродетели надо воспитывать, а с грехом бороться... приходите в храм... Тут совсем недалеко, в соседнем квартале».

Именно в этот момент, когда я прочитал в письме В.Я. Курбатова эту, похожую на оплеуху архиерейскую фразу – «не смущать попов умствованием», – вдруг все стало на свои места, исчезло внутреннее напряжение, занозы выпали, и новое понимание вошло в меня. С батюшками надо не умствовать, с батюшками надо молиться! Ведь это то, о чем с такой настойчивостью писали и что свидетельствовали всей своей подвижнической жизнью герои этой книжки: и отец Онисим, и отец Валентин Свенцицкий, и отец Павел Флоренский, и многие другие. Движимые христианской любовью и верою, они дерзали прежде вставать к алтарю, а потом садиться за пишущую машинку...

Мой рассказ об имевших место быть в предреволюционный период поездках видных представителей русской культуры на Кавказ для встреч с имяславцами, равно как о бурных религиозно-философских дискуссиях в России по поводу самого имяславия, будет понятен не всем современным читателям. Октябрьская революция и последовавший за ней период идеологического господства материализма тщательно выкорчевали из сферы общественного интереса как саму эту тематику, так и память об ее апологетах. Сегодня человек с упро-

щенным до банальности обывательским умом, услышав фразу «Имя Бога есть Сам Бог» — итог многолетних православных монашеских молитвенных практик и догмат имяславцев, — недоуменно морщится и переключает внимание. А зря.

Тут как раз тот случай, когда «гений, парадоксов друг», поскольку именно парадоксы и абсурд подают нам верный знак того, что мы наткнулись на краешек непознанного, чего-то принципиально иного, к чему и слов не подобрать. Практичные западные философы, глядя на развернувшуюся в Восточной церкви, на Святой горе Афон и в российской печати дискуссию, дошедшую в 1914 году до мордобоя с использованием пожарных брандспойтов и солдатских штыков, быстро поняли, что в этом что-то есть, и огородили новую территорию своими «табличками». Тут и лингвистика Фердинанда де Соссюра, и структурализм в философии, и набор психологических и психотерапевтических практик, и масса всяких других плодovitых направлений. Все это позволит позже Жаку Лакану сказать, что «коллективное бессознательное народа структурировано так же, как и его язык», а Мартин Хайдеггер подытожит, что «все наше Бытие живет в Языке».

Чувствуете, какая ширь, какие горизонты? Пользоваться этим стали по-разному. На Востоке одни — строители Рая здесь и сейчас — придумали свой символизм, авангард и пролетарскую лексику, загнав душевных батюшек в катакомбную церковь, где те спасались Словом Божиим, ощущая всем сердцем, что «в слове «Бог» почивает Сам Бог». На Западе другие занялись классификацией языков и изучением их структуры (ядерных лексических концептов, языковой картины мира и пр.), что позволило многое узнать про свой и про чужие народы. Из этого знания создали массу полезных вещей для «своих» — от рекламных техник до психотерапии, а для «чужих» и по сей день готовят «адскую смесь словоблудия», позволяющую, например, сводить с ума целую страну, заставляя учить придуманный язык, или записаться в лучшие друзья к народу, на который сами сбросили атомную бомбу.

Надеюсь, я убедил читателя в необходимости потратить некоторое время на знакомство с терминами — «исихазм» и «имяславие», поскольку дело здесь не только в интересе к ним русских мысли-

телей начала XX века, но и в том, что, по большому счету, мы никуда не продвинулись с тех пор в этой области. Тем более, есть смысл еще раз обозначить границу этой территории непознанного, дорожку вдоль которой для нас заботливо протоптали герои этой книжки.

Итак, первый термин — «исихазм» — означает особую мистическую практику православных монахов, стремящихся к познанию Истины, к созерцанию Божественного света, исходящего из инобытия (Царствия Божьего), где, собственно, и пребывает Духовная Истина во всей своей полноте. Само слово «исихазм» обозначает спокойствие, тишину, молитвенное самоуглубление в переводе, естественно, с древнегреческого, поскольку значительная часть первоначальных идей этой практики была сформулирована еще в первом тысячелетии апологетами христианства.

В основе техники исихазма лежит понятие «умного делания» (то есть в уме) через постоянное чтение про себя или вслух Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Причем, если начинающие произносят молитву по несколько сот раз, то продвинутые — десятки тысяч раз в сутки, а мастера добиваются ее непрерывного звучания даже во сне. Перевод постоянной внутренней связи с инобытием в «фоновый режим» позволяет заняться контролем собственного внимания (трезвением — на богослужбном языке), которое, как известно, склонно самопроизвольно (даже во время обрядовых действий) переключаться на различные темы и спонтанные «помыслы» вместо обращения к Господу.

Контроль внимания на постоянном ощущении Страх Божьего, или совести внутри себя, — одна из основных задач исихазма, значение которой по важности можно сравнить лишь с контролем пищевого поведения через соблюдение постов. Освоение исихастской техники предполагает наличие опытного духовного наставника, уже прошедшего многолетний путь от «словесного делания» до «грудного и сердечного» и предостерегающего новичка от впадения в «духовную прелесть» — психологическую ловушку субъективного переживания святости.

Сторонниками и практиками исихазма были многие отцы Церкви от Симеона Нового Богослова

(X век) и до Григория Паламы (XIV век). Из Византии исихазм пришел на Русь (Сергий Радонежский, Нил Сорский). Из героев этой книги сторонниками исихазма были о. Валентин (Свенцицкий), философы В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосев. Из относительно недавних и мною любимых — архиепископ Антоний (Голынский-Михайловский), который предложил собственную классификацию ступеней практики Иисусовой молитвы, где на высшем шестом уровне достигается состояние видения Бога и постижения умом Божественной Истины.

Современное западное гуманитарное знание только во второй половине XX века приблизилось к пониманию (скорее, к убогому, приблизительному, частичному рационально логическому объяснению) существа подобных практик. Произошло это главным образом в трудах экзистенциальных философов и психологов, столкнувшихся с глобальной бессмыслицей послевоенного существования, массовыми проявлениями асоциального поведения, ростом количества суицидов и прочими родимыми пятнами безбожного, материалистического мироустройства. В результате часть из них стала утверждать, что Господь наш, конечно, «всеблагий, но не всемогущий», а другая застыла в скорбной гордой позе, заявив, что Бога нет, а заповеди исполнять до'лжно.

При этом выяснилось, что реальная жизнь протекает «здесь и сейчас», заставляя нас каждое мгновение принимать решения, в условиях, когда универсальные истины и правила поведения, вычитанные в книгах, выученные в школе, но не ставшие поведенческой доминантой, помогают мало. Для принятия мгновенных правильных решений на поведенческом, а не на когнитивном (то есть познавательном) уровне необходимо «в истине пребывать», чем, собственно, и занимаются монахи в монастырях уже тысячи лет. Само постоянное многократное обращение к Высшему, Всемогущему Богу, с просьбой о прощении греха, о ниспослании милости уже смещает наш внутренний центр мира с самого себя на Бога, на Общество, помогая нам согласовывать свои внутренние импульсы с окружающей действительностью.

Этот феномен расширения глобального ви'де-

ния реальности — от душевной проблемы конкретного человека и до всемирной истории — на основе аскетических практик известен давно. И сегодня, как и две тысячи лет назад, не только простые люди, ищущие духовной поддержки, но и многие крупные государственные деятели, известные ученые регулярно посещают святые места, где встречаются с монахами в надежде получить Откровение, то есть ответ Бога, содержащий столь простую словесно, но трудно уловимую Истину. Духовная истина не запоминается, не усваивается, ею скорее пропитываются, к ней приближаются через отказ от собственного Я, — она входит в тебя, а ты в нее. В результате, ты совершаешь поступки, решение о которых как бы возникло само собой, хотя рационально никак не вытекало из привычной поведенческой схемы, но ты чувствуешь, что это именно то, что ты искал. Чувствуете, как мне не хватает слов?

Приезжают в монастыри те, кто уже понял, что Господь дает ответы по мере отказа от собственной гордыни, от удовольствий этого суетного мира, от самого себя, и даже не дает, а открывает в тебе то, что было заложено всегда. При этом приходится согласиться с тем, что вероятность появления пророков, провидцев, духовных пастырей в монашеской среде в силу добровольно принятых на себя ограничений сравнительно выше.

Второй термин, который нам необходим, — «имяславие» — обозначает догматическое движение в Русской православной церкви, представители которого утверждают, что Имя Божие есть Сам Бог (формулировка о. Иоанна Кронштадтского). Историю имяславия принято отсчитывать с выхода в 1907 году книги схимонаха Илариона (Домрачева) «На горах Кавказа», где автор изложил (блестящим, кстати, литературным стилем) свой духовный опыт практики Иисусовой молитвы. Там, собственно, и прозвучало утверждение о тождественности Имени Божьего с Самим Богом и способности Имени творить чудеса (обладать Божественной энергией).

Идеи, изложенные в книге Илариона, приобрели сразу после выхода книги большую популярность среди русских монахов на Святой горе Афон в Греции, где, однако, в силу человеческих слабостей превратились в яблоко раздора. Часть монахов, в

основном практиков Иисусовой молитвы, стала утверждать, что им открылась истина тождественности Имени Божьего с самим Богом. В частности, они ссылались на Платона, считавшего, что имена и идеи вещей предсозданы Богом и существовали до сотворения мира. Их противники (большой частью из числа богословов-теоретиков) утверждали, что имена Бога придумывают люди, что они разные в различных религиях и являются просто случайным фонетическим символом, а стало быть, никакой особенной силой не обладают. Первых стали называть имяславцами, а их противников, соответственно, имяборцами.

Признание факта божественности самого Имени Бога, естественно, требовало соответствующей перестройки богослужебной практики и изменения существовавшей иерархии священноначалия. С этим, конечно, не согласились имяборцы, которые в 1913 году выразили свое несогласие с итогами выборов игуменом русского Андреевского скита на Афоне имяславца о. Давида и начали жаловаться в российское посольство в Константинополе. Высшие церковные инстанции, видя брожение умов, переходящее в насильственные действия, объявили имяславие ересью, а посол России при султанском дворе в Константинополе М.Н. Гирс попросил царское правительство разобраться с бунтарями. Последнее уже знало по опыту первой русской революции, что бунты надо пресекать.

Были посланы солдаты, которые после неудачных переговоров штурмом взяли монастырь Святого Пантелеймона. Несколько монахов были ранены, 630 человек погружены в специально посланные суда и доставлены в Одессу. На Афоне остались только монахи, подписавшие бумаги об отказе от имяславия. После разбирательств несколько человек были осуждены, а остальные лишены духовного сана и сосланы по прописке в различные области Российской империи. Некоторые, «дожидаясь прощения», расселились по горам Кавказа и стали героями книги В. П. Свенцицкого «Граждане Неба» (1915).

Довольно скоро стало ясно, что в деле имяславцев перегнули палку, что человеческие слабости почти похоронили выдающееся прозрение, которое необходимо спокойно осмыслить, детально разо-

брать, осмыслить и, возможно, использовать. В. Ф. Эрн, в частности, восторженно написал:

«Нам хочется сказать: Да будут благословенны горные пустыни Кавказа за то, что в них впервые было слышано какое-то внутреннее слово, идущее свыше, что они ответили первым призыванием, волнующим эхом на зов, раздавшийся в небесных сферах! Их ответ, преломленный чистой поверхностью молитвенного опыта, является поистине изумительным и чудесным в двух отношениях. Во-первых, по своему внутреннему смыслу, во-вторых, по своей чрезвычайной действенности».

Многие крупные мыслители успели написать свои предварительные подходы к этому феномену: о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков («Философия имени»), А.Ф. Лосев («Философия имени», «Музыка как предмет логики», «Диалектика мифа»). Однако начавшаяся с лозунгов свободы революция 1917 года закончилась жесточайшим идеологическим террором и до сей поры законсервировала отечественные исследования по этой тематике (за исключением, возможно, относительно недавних, 1980-х годов работ, М.К. Мамардашвили и его единомышленников).

Западные ученые, начиная с 20–30-х годов XX века, на основе полевых исследований языков и культур небольших племен, удаленных от основных цивилизационных потоков, собрали интересный материал. В частности, было показано, что первоначальные конструкции конкретного языка накладываются на важнейшую для жизни племени предметную область, скажем, спектр состояний пищи или отношения родства членов племени. В дальнейшем, закрепленные практикой фонетические созвучия, отражающие отношения этой предметной области, используются для расширения самого языка и осмысления новых предметных областей. В развитых языках больших народов такие связи отследить уже сложно, и мы можем только предполагать связи «му'ки» и «муки'» или многозначности слова «мир» в нашем языке. В то же время представитель небольшого африканского племени на вопрос о том, почему конкретный вид ядовитого дерева и понятие «герой» одинаково звучат на его

языке, легко ответит, что оба они способны «многих убить».

Таким образом, культурные антропологи (в России до сих пор нет этого предмета в высшей школе) абсолютно уверены в теснейшей связи между языком и мышлением, при этом весь XX век ушел на выяснение этого взаимовлияния. Тем не менее никаких законов пока не найдено, поэтому современная лингвистика, отгородившись от топчущейся на месте семиотики, занята сама собой — фиксацией правил, установлением закономерностей, классификацией однородностей и уточнением терминологии. Однако вряд ли кто сегодня будет утверждать, что словарь конкретного языка — это просто случайный набор звуков, вся задача которого отделить слова друг от друга.

Утверждения афонских монахов, практиковавших специальные молитвенные упражнения, о божественности Божьего Имени вплоть до его тождественности с самим Богом волновали душу, причем именно русскую. На то было несколько причин.

Во первых, славянская конструкция слова «истина» имеет фонетическую основу «ис-то» — «есть то» (см., например, у святителя Николая Сербского), то есть при обозначении чего-то словом «истина» мы указываем соответствие, что «это есть то». Это очень похоже на построения о. Павла Флоренского, который, устанавливая основную смысловую нагрузку слова «истина» на разных языках, для славянского корня фиксировал значение «реальности», «того, что есть на самом деле». Святитель же Николай Сербский подчеркивает универсальный смысл символа «истина» — «есть именно то», устанавливающее соответствие между миром «обозначающих» и миром «обозначаемых», между миром «слов» и миром «вещей», между миром «знаков» и миром «идеальных сущностей». При таком подходе наше сознание склонно видеть в самом слове «истина» некое самотождество, абсолютную одинаковость в обоих мирах, мостик между миром слов и миром идеальных сущностей, куда мы стремимся проникнуть — узнать Божественный замысел о всех нас, о нашем мире.

Во вторых, русский вариант осмысления реальности в XIX веке через различные творческие жан-

пы породил феномен великой русской литературы, оказавшейся более пророческой по сравнению с метафизической рефлексией западной философии того же периода. По крайней мере, по произведениям Пушкина, Толстого или Достоевского можно обозревать духовным взором не только прошлую, но и будущую историю. Тогда как диалектикой Гегеля, или, скажем, человекобожеством Ницше, как овечьей шкурой, весь XX век прикрывалось мировое зло.

В этом месте необходимо сделать одно важное замечание для тех, кто склонен всегда проверять на практике то, что стало известно нового. Варианты решений, нетривиальные поступки или новый взгляд на известные вещи конечно же будут всплывать в сознании, но тут важен контекст — какие святыни стоят на вашем алтаре. Если вы медитируете в дзен, то вряд ли эти варианты совпадут с теми, которые возникают на фоне Иисусовой молитвы. Одно дело закрываться от мира, где все — страдание, не реагировать эмоционально на добро и зло, и совершенно другое — служить ближнему своему, нести свой Крест и посвятить свою жизнь подготовке к встрече с Ним. Чувствуете, как фон становится важнее предмета?

Вспомним молчание Иешуа в ответ на вопрос Понтия Пилата: «Что есть истина?» из известного романа М. Булгакова. Какими еще словами можно помочь человеку увидеть Истину, стоящую перед ним? Ум бессильно бьется в попытке интегрировать в одном слове «Бог» — и Истину, и Путь, и Слово, и Любовь, и Жизнь — надо ему помочь! Как? В нас существует неизбывное желание эту Истину услышать или прочесть, еще лучше пропитаться, хотя уже сколько раз говорено, что в ней можно только пребывать. Или не пребывать... Во множестве звуков существует особый элемент — молчание, как приказ переключить канал восприятия, прислушаться к себе, прочувствовать ситуацию, войти в сверхлогичный мир образов, погрузиться в нее... (Любители «игры в бисер» могут сравнить эти мысли с известным коаном о хлопке' одной ладонью в дзен.)

Столь пристальный взгляд на то, как и что мы говорим, что при этом думаем, как на это влияет личность того, к кому мы обращаемся, какие про-

цессы протекают в момент материализации мысли в символы или знаки — все это стало предметом изучения философов и психологов XX века и остается им сегодня. Однако отсутствие научного знания совершенно не мешает последние две тысячи лет исповедникам христианской веры «погружать ум в сердце» как для достижения выдающихся духовных прозрений, так и для повседневного «трезвения» — пребывания в истине.

Таким образом, русская душа всегда жаждет Слова, которое прояснит туманную картину мира, вовлечет нас в Бытие душою и телом, назовет все своими истинными именами. Кому, как не нам, заниматься языковой картиной Мира, ключ к которой мы почти нашли сто лет назад, однако, видимо, слишком рано. Где, как не на Кавказе, где сам ландшафт модерирует твоё сознание и питает энергией своего молчания, возрождать традицию совместного молитвенного стояния священства и людей думающих, пишущих, ищущих ответы на сокровенные вопросы бытия.

Несколько слов об одном важном следствии, вытекающем из приведенного материала, в связи с продолжающейся дискуссией о формах преподавания основ православной культуры в школе. Попытка описательного, рационально логического подхода к вере как интеллектуально постигаемому предмету не приведет ни к чему хорошему. В результате теоретизирования будет потеряна самая суть, когда душа ребенка через молитву, пост, исповедь и причастие прикасается к невидимому миру, делает первый шаг по духовной лестнице. Знание о вере без личного опыта мертво, только находясь «внутри» можно ясным взглядом обозревать окружающий мир и свое отношение к нему. В этом, собственно, и состоит основной пафос всего того, о чем писали Валентин Свенцицкий, Павел Флоренский, Владимир Эрн и Александр Ельчанинов. Писали, конечно, для своих современников, писали, находясь в самой гуще трагических событий нашей истории, писали в надежде предотвратить, сохранить и спасти. Однако, было слишком «поздно строить монастыри», и это, возможно, самый главный урок для нас... По большому счету, все, что у нас есть, — это вера в то, что Имя Божие и есть сам Бог, хотя, конечно, Бог больше своего Имени. ■